

П.Н. Краснов

**Тихие подвижники. Венок на
могилу неизвестного солдата
Императорской Российской
Армии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
К77

Краснов П.Н.
К77 Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской
Российской Армии / П.Н. Краснов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 52 с.

ISBN 978-5-458-04209-3

Предлагаемый читателям труд П.Н.Краснова "Венок на могилу " является неувядающим венком доблестным солдатам и офицерам Русской Императорской Армии, живот свой за Веру, Царя и Отечество положившим., Издание содержит биографию П.Краснова, написанную С.П.Полонским. Воспоминания самого П.Краснова, известного как боевого писателя, занимают центральное место

ISBN 978-5-458-04209-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.Н. Краснов, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Петр Николаевич КРАСНОВ

РОДИЛСЯ 12 июля 1869 г. в г. Санкт-Петербурге, где его отец, казак станицы Каргиновской, Николай Иванович, Генерального Штаба генерал-лейтенант, служил в Главном Управлении иррегулярных казачьих войск. В 1880 г. Петр Николаевич поступил в 1-ю Петербургскую Гимназию. Из 5-го класса, по личному желанию, перевелся в 5-й класс Александровского Кадетского Корпуса, который окончил вице-унтер офицером и поступил в Павловское Военное Училище. Окончил его 5-го декабря 1888 г. первым в выпуске с занесением его имени золотыми буквами на мраморной доске.

В августе 1889 г. выпущен хорунжим в комплект донских казачьих полков с прикомандированием к Лейб-гвардии Атаманскому Полку. В 1890 г. зачислен в Лейб-гвардии Атаманский Полк; в 1892 г. поступил в Академию Генерального Штаба, но через год по собственному желанию вернулся в свой полк.

По Высочайшему повелению в 1897 г. был начальником Конвоя Российской Императорской Миссии в Адис Абебе. В 1901 г. командирован Военным министром на Дальний Восток для изучения быта Манчжурии, Китая, Японии и Индии.

В 1906 г. командирован как лихой наездник, скакун-спортсмен, в офицерскую Кавалерийскую Школу, которую окончил в 1908 г. и был оставлен при Школе начальником казачьего Отдела. В 1910 г. с производством в полковники назначен командиров 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка. Под его командой это был один из лучших полков в Императорской армии.

В 1913 г. получил в командование 10-й Донской казачий конный генерала Луковкина полк. С ним в 1914 г. выступил на фронт в Первую Мировую войну. Вскоре за отличие в боях произведен в чин генерал-майора.

С начала ноября 1914 г. командовал последовательно бригадами в 1-й Донской казачьей и Туземной конной дивизиях. Затем командовал 1-й Кубанской и 2-й Сводно-казачьей дивизиями. При отступлении русских армий в 1915 г., когда почти не было патронов и снарядов, казачьи части под командой генерала Краснова выполняли самые трудные и ответственные задания по прикрытию отходящих пехотных и артиллерийских частей.

Краснов имел Георгиевское оружие, был награжден и орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. В 1916 г. во

время Луцкого прорыва действия 2-й Сводной казачьей конной дивизии отмечены в Приказе 4-го Кавалерийского корпуса так: "Славные Донцы, Волгцы и Линейцы, ваш кровавый бой 26-го мая у Вульки-Галузинской — новый ореол Славы в Истории ваших полков. Вы увлекли за собой пехоту, оказав чудеса порыва. Бой 26-го мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия под руководством железной воли генерала Петра Краснова". Краснов был ранен ружейной пулей в ногу.

Кроме вышеуказанных наград, Краснов имел: св. Станислава 2-й степени; св. Анны 4-й степени с надписью "За храбрость"; св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В августе 1917 г. ген. Краснов принял 3-й конный корпус (бывший ген. Крымова). Штаб корпуса находился в Царском Селе, а части корпуса — в близлежащих к столице городах. И поэтому большевики воздержались от выступления в августе и перенесли его на октябрь, непрерывно требуя через Совет солдатских и рабочих депутатов увода конного корпуса подальше от Петрограда.

В противовес этому Краснов подал Керенскому рапорт-доклад проекта создания сильной конной группы из надежных кавалерийских и казачьих частей с сильной артиллерией и броневыми автомобилями. Часть группы должна была находиться в самой столице, а другая — вблизи ее в постоянной боевой готовности. Проект принял командующий войсками Петроградского военного округа и передал его Керенскому, который сообщил его большевикам, так как уже на второй день (после подачи рапорта) в газетах появился подробный его проект с основательной критикой и требованием немедленно убрать конный корпус подальше от Петрограда.

Керенский исполнил требование большевиков — конный корпус отвели в район городов Псков-Остров в распоряжение Главкому Северного фронта ген. Черемисова, сторонника большевиков. И он немедленно малыми частями стал разбрасывать его еще дальше от Петрограда.

К октябрьскому выступлению большевиков Керенский почти не имел войск, верных Временному Правительству. Генерал Черемисов открыто перешел к большевикам.

3-го марта 1918 г. Малый Войсковой Круг, или "Круг Спасения Дона" избрал генерала П. Н. Краснова Атаманом Всевеликого Войска Донского.

2-го февраля 1919 г. генерал Краснов, созвав Круг, который выразил ему недоверие, отказался от должности Атамана и вскоре покинул Россию.

*Известный писатель П. Н. Краснов
Помимо боевой славы, ПС. П. Полонский*

* * *

В Париже на площади Etoile, где правильной звездой сходятся двенадцать широких, красивых улиц, стоит Триумфальная арка. Под ее высоким сводом покоится в могиле "неизвестный солдат" Французской Армии.

Чье тело, — после боевой грозы, мирно упокоившееся в изрытой снарядами, залитой человеческой кровью, пахнувшей порохом земле, торжественно выкопали и с почетом похоронили в центре города-великана. И лежит оно в шуме и грохоте в центре подземных и надземных дорог, в тонком шелесте резиновых шин бесчисленных автомобилей, среди суеты праздной, веселой парижской жизни, немой напоминанием подвигов Французской Армии и жертв французского народа.

На могилу возлагают венки. Зелено-пестрой, громадной клумбой цветов и листьев высятся они среди неумолкающего шума и грохота двенадцати улиц.

Всякий раз, как я проходил мимо нее, или читал, что то Балдвин от имени английского народа, то Муссолини от итальянцев, то генерал Богаевский возлагали на нее венки, мне вспоминались другие могилы, где лежали не неизвестные мне солдаты, а солдаты, хорошо мне знакомые, те, кто был мне дорог, кого я любил и кого видел, как он умирал.

И вижу я пустынное голое шоссе между Тлусте и Залещиками, и справа — помню точно, шоссе входит там в выемку и край его приходится на высоту плеч человека, сидящего на лошади, — стоит низкий, почти равноплечный крест, сделанный из двух тонких дубовых жердей. На их скрещении кора снята и плоско застругана. Там химическим карандашом написано... Дожди и снега смыли почти все написанное и видно только:

... "Казак 10-го Донского казачьего, генерала Луковкина полка... 4-ой сотни... за Веру, Царя и Отечество живот свой положивший... марта 1915 года"...

Я его знал. Это мой казак... В первые бои под Залещиками он был убит у Жезавы. Потом были еще и еще бои под Залещиками. Я проезжал мимо этой могилы в мае 1915 года. Крест покосился и уже мало походил на крест... Надпись выцвела и стерлась. Для всех-это была могила неизвестного солдата, мне же она была известна и издали приветствовала меня дорогими словами: "За Веру, Царя и

Отечество"...

Теперь... там, вероятно, и могилы не осталось... как не осталось там ни Веры, ни Царя, ни Отечества... Пустое место. Там Польская республика, и что ей за дело до бравого станичника, за Веру, Царя и Отечество живот свой положившего? Обвалился крест, упали жерди в придорожную канаву и на оставшейся могиле бурно разросся бурьян. Синий, звездочками, василек; высокая, пучком, белая ромашка; да алые, на пухом поросших гибких стеблях, маки — цветут на шоссе. Три цветка: — белый, синий и красный-поросли из тела этого неизвестного солдата. Полевой жаворонок прилетит иногда из небесной выси, камнем упадет на цепкие травы и коротко прошебечет недопетую песнь. Быть может, он скажет прохожим:

Как жил-был казак далеко па чужбине,

И помнил про Дон на чужой стороне...

Еще и другие вспоминаются мне могилы...

За селом Бельская Воля, в Польше, между реками Стирью и Стоходом, южнее Пинска, севернее Луцка, на песчаном бугре конносаперы под руководством есаула Зимина (1-го Волгского казачьего полка Терского казачьего войска) построили ограду. Резанные из цветных — темных еловых и белых березовых сучьев — красивые ворота аркой ведут за ограду. Там в стройном порядке выровненные, в затылок и рядами, лежат солдаты Нижне-Днепровского полка, Донские, Кубанские и Терские казаки 2-ой казачьей сводной дивизии, убитые в боях под Вулькой Галузийской 26–30 мая 1916 года — это когда был Луцкий прорыв генерала Каледина.

На воротах, надпись из сучьев:

"Воины благочестивые, славой и честью венчаные".

Тогда думали об этом. Тогда можно было об этом думать. Был Бог... Был Царь... Была Россия...

И еще одна могила. На склонах Агридагского хребта за Сарыкамышем, среди камней горных ущелий, лежит тело казака 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка, Пороха.

Того самого Пороха, у которого было веселое, загорелое и круглое лицо, ясные карие и чистые глаза, ровные и белые зубы. В течение почти трех лет ежедневно утром он встречал меня радостной улыбкой и говорил: "Так что, Ваше Высокоблагородие, лошади, слава Богу, здоровы", а иногда прибавлял: "Только Ванда чего-й-то скушная стоит, овес не ела и воды совсем чуток пила. Однако температуру мерили — нормальная"... С ним, Порохом, я изъездил все Семиречье, и он добывал барана на ужин в пустыне, где, казалось, кругом на сотни верст никого не было.

— У знакомого киргиза достал, Таймыр он мне...

Вечером у палатки я слушал, как он быстро говорил с кем-то по-киргизски. Носовые, неясные звуки сплетались в гирлянду слов, как песня.

На песке, поджав ноги, сидели киргизы и с ними мой Порох.

Он убит в ноябре 1914 года в конной атаке под Сарыкамышем. Тогда 1-ый Сибирский Ермака Тимофеевича полк атаковал батальон турецкой пехоты, изрубил его и взял знамя.

Во имя всех их..., а их миллионы неизвестных — на их могилу мне хотелось бы возложить мой скромный венок воспоминаний...

Им — честью и славою венчанным.

* * *

Да стоит ли?

— Разве не помните вы, как густой толпой стояли они, 4-го мая 1917 на станции Видибор, кричали, плевались подсолнухами и требовали вашей смерти? У них на затылках были смятые фуражки и папахи, на лоб выбились клочья нечистых волос, на рубашках алели банты, кокарды были залиты красными чернилами и почти все они были без погон.

— Разве не помните вы, как в этот час трусливо прятались по вагонам, не смея выручить своего начальника, сотни 17 Донского генерала Бакланова полка, те, чьи братья лежат так тихо и спокойно у селения Бельская Воля, славой и честью венчанные?

— Разве не помните вы, что они изменили присяге, они поносили Царя, они предали врагу — немцам — Родину?

Нет... Не об этих будет моя речь. Я хочу сказать о тех, кто свято помогал неизвестному Французскому солдату тихо и честно лечь в шумную могилу на площади Etoile в Париже.

Я хочу сказать, как сражались, жили, томились в плену и как умирали солдаты Русской Императорской Армии.

Мой венок будет на могилу неизвестного Русского солдата, за Веру, Царя и Отечество живот свой на бранях положившего.

Ибо тогда умели умирать.

Ибо тогда смерть честью венчала.

І. КАК ОНИ УМИРАЛИ

Мой первый убитый... Это было 1 августа 1914 года на Австрийской границе, на шоссе между Томашевым и Равой Русской. Было яркое солнечное утро. В густом мешанном лесу, где трепетали солнечные пятна на мху и вереске, пахло смолою и грибами, часто трещали ружейные выстрелы. Посвистывали пули, протяжно пели песнь смерти и от их невидимого присутствия появился дурной вкус во рту и в голове путались мысли.

Я стоял за деревьями. Впереди редкая лежала цепь. Ка. заки, крадучись, подавались вперед. Из густой заросли вдруг появились два казака. Они несли за голову и за ноги третьего.

— Кто это? — спросил я.

— Урядник Еремин, Ваше Высокоблагородие, — бодро ответил передний, неловко державший рукой с висевшей на ней винтовкой, голову раненого Еремина.

Я подошел. Низ зеленовато-серой рубахи был залит кровью. Бледное лицо, обросшее жидкой, молодой русской бородой, было спокойно. Из полуоткрытого рта иногда, когда казаки спотыкались на кочках, вырывались тихие стоны.

— Братцы, — простонал он, — бросьте... Не носите... Не мучьте... Дайте помереть спокойно.

— Ничего, Еремин, — сказал я, — потерпи. Бог даст, жив будешь. Раненый поднял голову. Сине-серые глаза с удивительной кротостью уставились на меня. Тихая улыбка стянула осунувшиеся похудевшие щеки.

— Нет, Ваше Высокоблагородие, — тихо сказал Еремин — Знаю я... Куды-ж. В живот ведь. Понимаю... Отпишите, Ваше Высокоблагородие, отцу и матери, что... честно... нелицемерно... без страха...

Он закрыл глаза. Его понесли дальше.

На другое утро его похоронили на Томашовском кладбище у самой церкви. На его могиле поставили хороший тесаный крест. Казаки поставили.

Я не был на его похоронах. Австрийцы наступали на Томашов. На Звержиинецкой дороге был бой. Некогда было хоронить мертвых.

Потом их были сотни, тысячи, миллионы. Они устилали могилами поля Восточной Пруссии, Польши, Галиции и Буковины. Они умирали в Карпатских горах, у границы Венгрии, они гибли в Руминии и Малой Азии, они умирали в чужой им Франции.

За Веру, Царя и Отечество.

Нам, солдатам, их смерть была мало видна. Мы сами в эти часы были объаты ее крыльями и многого не видели из того, что видели другие, кому доставалась ужасная, тяжелая доля провожать их в вечный покой... Сестры милосердия, санитары, фельдшера, врачи, священники.

И потому я расскажу о их смерти, о их переживаниях со слов одной сестры милосердия.

* * *

Я не буду ее называть. Те, кто ее знает, а в Императорской Армии ее знали десятки тысяч героев, — ее узнают. Тем, кто ее не знает, ее имя безразлично.

Сколько раненых прошло через ее руки, сколько солдат умерло на ее руках, и от скольких она слышала последние слова, приняла последнюю земную волю!..

В бою под Холмом к ней принесли ее убитого жениха...

Она была русская, вся соткана из горячей веры в Бога, любви к Царю и Родине. И умела она понимать все это свято. В ней осталась одна мечта — отдать свою душу Царю, Вере и Отечеству. И отсюда зажегся в ней страстный пламень, который дал ей силу выносить вид нечеловеческих мук, страданий и смерти. Она искала умирающих. Она говорила им, что могла подсказать ей ее истстрадавшаяся душа. Стала она от того простая, как прост русский крестьянин. Научилась понимать его. И он ей поверил. Он открыл ей душу и стала эта душа перед нею в ярком свете чистоты и подвига, истинно, славою и честью венчанная. Она видела, как умирали русские солдаты, вспоминая деревню свою, близких своих. Ей казалось, что она жила с ними предсмертными переживаниями, и много раз с ними умирала. Она поняла в эти великие минуты умираний, что "нет смерти, но есть жизнь вечная". И смерть на войне — не смерть, а выполнение своего первого и главного долга перед Родиной.

В полутемной комнате чужого немецкого города прерывающимся голосом рассказывала она мне про Русских солдат, и слезы непрерывно капали на бумагу, на которой я записывал ее слова.

Теперь, когда поругано имя Государево, когда наглые, жадные, грязные святотатственные руки роются в дневниках Государя, читают про Его интимные, семейные переживания, и наглый хам покровительственно похлопывает Его по плечу и аттестует как пустого молодого человека, влюбленного в свою невесту, как хорошего семьянина, но не государственного деятеля, быть может, будет

уместно и своевременно сказать, чем Он был для тех, кто умирал за Него. Для тех миллионов "неизвестных солдат", что погибли в боях, для тех простых русских, что и по сей час живут в гонимой, истерзанной Родине нашей.

Пусть из страшной темени лжи, клеветы и лакейского хихиканья людей раздастся голос мертвых и скажет нам правду о том, что такое Россия, ее Вера православная и ее Богом венчанный Царь.

* * *

Шли страшные бои под Ломжей. Гвардейская пехота сгорала в них, как сгорает солома, охапками бросаемая в костер. Перевязочные пункты и лазареты были переполнены ранеными, и врачи не успевали перевязывать и делать необходимые операции. Отбирали тех, кому стоило сделать, то есть, у кого была надежда на выздоровление, и бросал" остальных умирать от ран за невозможностью всем помочь.

Той сестре, о которой я писал, было поручено из палаты, где лежали 120 тяжело раненных, отобрать пятерых и доставить их в операционную. Сестра приходила с носилкам", отбирала тех, в ком более прочно теплилась жизнь, у кого не так страшны были раны, указывала его санитарам, и его уносили. Тихо, со скорбным лицом и глазами, переполненными слезами, скользила она между постелей из соломы, где лежали исковерканные обрубки человеческого мяса, где слышались стоны, предсмертные хрипы я откуда следили за нею большие глаза умирающих, уже видящие иной мир. Ни стоны, ни ропота, ни жалобы... А ведь тут шла своеобразная «очередь» на жизнь и выздоровление... Жребием было облегчение невыносимых страданий.

И всякий раз, как входила сестра с санитарями, ее взор ловил страдающими глазами молодой, бравый, черноусый красавец унтер-офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка. Он был очень тяжело ранен в живот. Операция была бесполезна, и сестра проходила мимо него, ища других.

— Сестрица...меня... — шептал он и искал глазами ее глаза.

— Сестрица... милая... — он ловил руками края ее платья и тоска была в его темных красивых глазах.

Не выдержало сердце сестры. Она отобрала пятерых и умолила врача взять еще одного — шестого. Шестым был этот унтер-офицер. Его оперировали.

Когда его сняли со стола и положили на койку, он кончался. Сестра села подле его. Темное загорелое лицо его просветлело.

Мысль стала ясная, в глазах была кротость.

— Сестрица, спасибо вам, что помогли мне умереть тихо, как следует. Дома у меня жена осталась и трое детей. Бог не оставит их... Сестрица, так хочется жить... Хочу еще раз повидать их, как они без меня справляются. И знаю, что нельзя... Жить хочу, сестрица, но так отрадно мне жизнь свою за Веру, Царя и Отечество положить.

— Григорий, — сказала сестра, — я принесу тебе икону. Помолись. Тебе легче станет.

— Мне и так легко, сестрица.

Сестра принесла икону, раненый перекрестился, вздохнул едва слышно и прошептал:

— Хотелось бы семью повидать. Рад за Веру, Царя и Отечество умереть...

Печать нездешнего спокойствия легла на красивые черты Русского солдата. Смерть сковывала губы. Прошептал еще раз:

— Рад.

Умер.

В такие минуты не лгут ни перед людьми, ни перед самим собою. Исчезает выучка и становится чистой душа, такую, какую она явится перед Господом Богом.

Когда рассказывают о таких минутах, — тоже не лгут.

Эти «неизвестные» умирали легко. Потому что верили. И вера спасет их.

* * *

И так же, с такими же точно словами умерал на руках у сестры Лейб-Гвардии Преображенского полка солдат, по имени Петр. По фамилии... тоже неизвестный солдат.

Он умерал на носилках. Сестра опустила на колени подле носилок и плакала.

— Не плачьте, сестрица. Я счастлив, что могу жизнь свою отдать за Царя и Россию. Ничего мне не нужно, только похлопочите о моих детях, — сказал умирающий солдат.

И часто я думаю, где теперь эти дети Семеновского унтер-офицера Григория и Преображенского солдата Петра? Их отцы умерли за Веру, Царя и Отечество восемь лет тому назад. Их детям теперь 12-14-16 лет. Учатся ли они где-нибудь? Учились ли под покровительством какого-нибудь пролеткульта, или стали лихими комсомольцами и со свистом и похабной руганью снимали кресты с куполов сельского храма, рушили иконостас и обращали святой храм